

Катриона Келли

На границах памяти: британский паспорт

Британский паспорт во многом представляет собой противоположность советскому внутреннему паспорту, о котором так красноречиво написал Альберт Байбурин в своей книге 2017 г. [Байбурин 2017] (английский перевод: [Baiburin 2022]). В отличие от многих других европейских государств, у британцев нет внутреннего удостоверения личности, напоминающего советский паспорт. На самом деле на протяжении XX и XXI вв. они упорно сопротивлялись внутренним удостоверениям личности — и это сопротивление скорее усилилось, чем ослабло введением таких удостоверений в качестве меры военного времени 29 сентября 1939 г.¹ Согласно недавнему исследованию идентификации в Англии сопротивление дактилоскопированию изначально могло быть связано с его использованием как маркировки преступников и/или «туземцев» в колониальных владениях страны [Higgs 2011: 147]. Однако при использовании внутренних удостоверений в целом представляется вероятным, что не менее важны как противодействие посягательствам государственной

Катриона Келли (Catriona Kelly)

Тринити колледж,
Кембридж, Великобритания
ck616@cam.ac.uk

¹ Требование иметь удостоверение личности было отменено только 21 февраля 1952 г., за пару лет до исчезновения карточной системы, последнего остатка социального регулирования военного времени.

бюрократии, так и чувство отрицательной самоидентификации («мы здесь так не делаем»)¹.

В современном обществе отсутствие возможности удостоверить свою личность часто приносит неудобства. Такие простые процедуры, как регистрация банковского счета, получение разрешения на парковку или читательского билета в Британской библиотеке требуют удостоверения личности, однако единого документа, который был бы юридически пригоден для всех случаев, просто не существует. Обычно требуются именно те, которых население может на законных основаниях не иметь (заграничный паспорт, водительские права). Особенно мучительно подтверждать свой адрес. Стандартный способ — квитанция об оплате коммунальных услуг — недоступен для тех, кто не оплачивает такие счета (например, потому что это делают другие члены семьи). Кроме того, люди могут попасть в бюрократическую черную дыру при смене места жительства, как это случилось с одним моим другом, который обнаружил, что с точки зрения Британской библиотеки его по сути не существует, по крайней мере как человека с правами читателя (руководство Национального архива пошло навстречу, согласившись принять его рабочий адрес вместо домашнего).

Тем не менее ни одна из этих регулярно возникающих проблем не изменила основной тенденции общественного мнения: план введения нового Национального удостоверения личности в 2009–2010 гг. был отменен новым консервативным правительством в 2011 г., вскоре после его избрания. Специально подготовленная онлайн-информация сообщает представителям меньшинства, которые успели получить это удостоверение, что они могут не возвращать его: удостоверение следует либо уничтожить, либо бережно хранить [Identity Cards]. Эта злополучная карта, кажется, одна из немногих вещей, которые нельзя купить на Ебай (в то время как удостоверение личности военного времени обойдется вам всего в 10 фунтов стерлингов).

Неприятие требования идентификации личности в заметной степени проявилось во время недавней пандемии Covid-19. Ковидный пропуск (Covid Pass, удостоверение государственной программы вакцинации) так и не стал обязательным по всей стране и использовался непоследовательно — для доступа

¹ Хиггс цитирует комментарий в “The Daily Express” (1945): это «небританская» система, она «превращает любого деревенского полицейского в гестаповца» [Higgs 2011: 155]. Несмотря на историческую связь правой политики с правопорядком, правое крыло (которое представлено, например, “The Daily Express”) было против удостоверений, хотя внесенный правительством Бориса Джонсона законопроект об обязательном предъявлении удостоверения личности при получении бюллетеня для голосования на выборах составляет исключение [Osborne 2022].

в определенные общественные места. Ясно, что право жить «вне поля зрения» государства укоренилось в психологии британцев, и особенно англичан¹.

Результатом этого укоренившегося отвращения к удостоверениям личности является то, что «паспорт», о котором британцы знают и который признают, — это документ, выдаваемый для поездок за границу. Как и в других странах, он происходит от охранной грамоты, выдававшейся правителями в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени [Caplan, Torpey 2002; Higgs 2011]. Забавный парадокс заключается в том, что, несмотря на укоренившееся подозрительное отношение к государственной слежке, в Британии хранятся записи обо всех владельцах паспортов с момента введения этого документа в 1794 г. [Passports]. Столь же парадоксален и факт, что мало кто возражает против записи персональных данных, которые необходимы для получения заграничного паспорта. Даже Джереми Хиггс, в целом осознающий роль удостоверений личности в государственной слежке, кажется, считает прогрессивным переход от путешествий по дорогим, доступным немногим иностранным проездным документам к массовым поездкам в составе туристических групп [Higgs 2011: 156–157]. Точно так же в обществе в целом паспорт рассматривается как инструмент личной свободы. Задержки в его выпуске (например, после введения новой системы обработки данных в октябре 1998 г.) приводили к общенациональным скандалам, широко освещаемым в прессе, с расследованиями со стороны контролирующих органов, таких как Национальное контрольно-ревизионное управление [The United Kingdom Passport Agency 1999].

Несмотря на убеждение, что паспорт — это забота государства, повседневные практики его использования выходят за рамки государственного контроля. Сюда входят и некоторые практики, о которых пишет Альберт Байбурин. Например, довольно распространена «персонализация» паспорта с помощью специальной обложки (в том числе «роскошная кожаная обложка для вашего паспорта» за 175 фунтов) [Passport Covers]².

Цель моего мини-исследования — попытаться выяснить, в какой степени неформальные практики (например, то, как вы представляете себя на фотографии, или ритуалы, связанные

¹ В Шотландии дело обстоит несколько иначе: там существует отдельная правовая система, в гораздо большей степени зависящая от кодификации (как в модели континентальной Европы), и к тому же на государственное регулирование традиционно смотрят, как на способ обеспечивать своего рода разумную защиту от капризов нации-гегемона к югу от границы.

² Ср. аналогичное предложение от “Asprey of London”. На другом конце ценовой шкалы “Amazon.uk” предлагает пластиковые обложки от £3.99 и выше.

с получением паспорта) актуальны в британском контексте. Импровизированный рассказ, который за этим следует, задуман главным образом как дань уважения Альберту Байбурину (он знаком со всеми героями моего рассказа, чьи имена раскрываются в самом конце). Но в то же время мой рассказ создает и некоторое приращение знания, если учесть, что повседневная жизнь паспорта почти не учитывалась при аналитическом обсуждении документов, удостоверяющих личность. Причины этого отчасти кроются в британской тенденции делать объектом антропологии другие этнические группы, а не самих себя (отношение, о котором пишут и которое критикуют, см.: [Rapport 2002]). Важно и то, что паспорт вообще норовит существовать «незаметно».

Я начала свое «исследование» с того, что разослала короткую неофициальную анкету по электронной почте примерно дюжине британцев в возрасте от 26 до 83 лет, в основном родившимся в Великобритании. Я также дала им несколько «подсказок», о чем именно можно вспомнить: например, посещение паспортного стола в центре Лондона, где выдают документы, или место, где можно было сфотографироваться, или как они подписывали паспорт. Как обычно бывает при любом опросе, от некоторых потенциальных участников (примерно половина списка) не было получено никаких ответов, но после настойчивых уговоров (не доходивших до обещаний оплатить отпуск!) я смогла получить ответы от еще двоих.

Один интересный вывод из моего мини-опроса заключается в том, что, в отличие от российских информантов Альберта Байбурина, большинство из тех, к кому я обратилась, мало что могли сказать о своих отношениях с паспортом. Вероятно, это отчасти объясняется тем, что изначально в вопроснике основное внимание уделялось *первому* паспорту: несколько респондентов признались, что почти ничего о нем не помнят, и переключились на воспоминания о более позднем времени.

В любом случае, Катриона, я подумала, могу ли я предложить что-нибудь про паспорт. Не то чтобы я об этом много думал, если честно. Хотя твое упоминание об улице Петти-Франс [где в прошлом находился центральный паспортный стол в Лондоне. — К.К.] навеяло далекое воспоминание. На самом деле я только что обновил свой паспорт и был поражен, насколько эффективно работает почта в [небольшом городке] (которая вот-вот переедет из задней части WH Smith [сеть газетных киосков, книжных и канцелярских магазинов] бог знает куда). Новый паспорт пришел в течение трех дней — причем мне постоянно сообщали о его движении смсками — но еще несколько дней я считал, что, не сообразив, отказался от прав на свой

старый паспорт. Но его тупо [так!]¹ отправили отдельно. Я понял тогда, что без старого паспорта я так никогда и не смогу восстановить свои поездки (Инф. 1, муж. 1952 г.р., email, 20 февраля 2022 г.).

Это ощущение, что паспорт — не просто предмет из личного архива, а он сам и есть личный архив, широко распространено, как мы увидим из трех воспоминаний, включенных в Приложение.

Другой, гораздо более молодой информант отчетливей помнил свой первый паспорт, хотя его воспоминания в основном связаны с Россией, где он был студентом.

Не в первый раз меня поражают Ваши вполне литературные воспоминания, которые я не могу сопоставить ни с чем из моей собственной биографии. Я только что порылся в ящике с документами и, к своему ужасу, обнаружил, что потерял свой первый черный паспорт. Единственная выразительная деталь, которая приходит мне на ум, — и мне стыдно о ней рассказывать — относится к началу или середине 1990-х гг. Я ехал ночным поездом из Москвы в Липецк и оставил паспорт дома (не по недосмотру, а чтобы не заморачиваться с ним). Почему-то даже после нескольких приездов в Россию я не сообразил, что выйти в Москве на улицу без документа, удостоверяющего личность, — это серьезное испытание. Конечно, меня не пустили в поезд, и мне пришлось отложить поездку на 24 часа.

<...> В основном все всплывшие воспоминания связаны с детьми, например, как в фотоателье нужно было посадить [сына информанта] прямо, чтобы сделать его первое фото на паспорт — а ему было примерно две с половиной недели (Инф. 2, муж. 1972 г.р., email, 20 февраля 2022 г.).

Этот же информант отметил, что церемония получения британского гражданства его женой была «запоминающимся событием, хотя получение паспорта происходило отдельно».

Более содержательные воспоминания в большинстве случаев связаны в первую очередь с путешествием, часто — с первым путешествием, которое информанты совершили с этим документом. В некоторых случаях процесс получения визы или разрешения на поездку имел не меньшее значение, чем получение самого паспорта. Один из моих информантов (у которого я брала устное, а не письменное интервью) практически не помнит, как он получил свой первый паспорт в 1972 г., чтобы

¹ В письме опечатка: *dully* 'тупо' вместо *duly* 'как положено', и примечание К.К.: «Получилась очаровательная игра слов». [Прим. ред.]

посетить Италию, Грецию, Турцию, Сирию, Египет и Ливан (его первая в жизни поездка за границу).

Соб.: Но в любом случае ты тогда должен был получить паспорт, ты что-нибудь помнишь об этом?

Инф.: Вообще ничего.

Соб.: Ладно... знаешь... ну отрицательные ответы довольно распространены. Я имею в виду... ты даже не помнишь... ты подал заявку по почте или...

Инф.: Думаю, я, наверное, должен был поехать в Ньюпорт, в Монмотишере.

Соб.: Верно. Это был ближайший офис.

Инф.: Ближайший к Оксфорду.

Соб.: Верно. Но ничего конкретного, так что...

Инф.: Нет. Я ничего не могу вспомнить об этом (Инф. 3, муж. 1953 г.р., интервью, 28 марта 2022 г.).

Тем не менее о визах он сумел вспомнить гораздо больше.

И, очевидно, нам нужны были египетские визы, а затем сирийские. И ливанские... <...>. Одной из поездок, когда мы ехали поездом в Стамбул или из Стамбула, была турецко-бол... ну где железная дорога пересекает турецко-болгарскую границу, так что я думаю, что, хотя мы и не останавливались в Болгарии, у нас должны были быть болгарские транзитные визы... <...>. И я думаю, что в моем первом паспорте (жаль, что мы не можем его найти) некоторые визы были проставлены. В смысле были наклеены марки.

Он также рассказал, что пересечение границы из Сирии в Турцию было «непростым делом», хотя подробностей вспомнить не смог — прошло пятьдесят лет.

Этот акцент в воспоминаниях подсказан видом самого паспорта, поскольку в нем большинство страниц (до 24 из общего числа 30) оставлены пустыми — для виз¹. Кроме того, я подозреваю, что эти яркие воспоминания о визах подкреплены недавним прекращением членства Великобритании в Европейском союзе, повлекшим понижение статуса до страны третьего мира, отмену свободы передвижения и гораздо более тщательную обработку иммиграционных документов, от проверки паспортов в аэропортах до необходимых сегодня разрешений на работу². Я не думаю, что граждане России обратили бы специ-

¹ Это и сегодня так. Кроме того, можно приобрести (за дополнительную плату) паспорт с удвоенным количеством пустых страниц — для тех, кто часто ездит в страны, которые вклеивают визу в паспорт или ставят в нем штампы о въезде и выезде.

² Сама я впервые за 42 года получила немецкий штамп в паспорт, когда мы проезжали границу в Берлине 2 мая 2022 г. Причем штампы в 1980 г. были ГДРовские.

альное внимание на наличие многократных виз. Примечательно, например, что моя самая молодая информантка, которой нет еще 30 лет, сразу вспомнила о ситуации после Brexit.

Я не помню времени, когда у меня не было паспорта (что, если подумать, показывает довольно значительную степень везучести), так что я, должно быть, получила его в юном возрасте. Я не думаю, что осознавала важность этого документа, пока не получила второй паспорт, и только потому, что за процессом заполнения анкеты должна была следить знакомая моего отца, избранная за то, что она была юристом и поэтому считалась «подходящей», — что само по себе было значимо, ничего подобного я до этого не испытывала.

Сегодня я использую паспорт понятным образом, для поездок за границу, но в последнее время и для более приземленных задач, таких как подтверждение личности во время интервью или в отделе кадров. Это делает паспорт скорее полезным, чем интересным. Помню, что последний раз я думала про паспорт что-то кроме «о Боже, где он?», когда летела в Европу после вступления Brexit в силу: я стояла в длинной очереди на таможенный контроль в Порто и мечтала, чтобы паспорт был чем-то чуть более полезным, чем просто место, куда ставят новые забавные штампы (Инф. 4, жен. 1995 г.р., сообщение 29 марта 2022 г.).

Как показывает этот пример, путешествия — не единственное, что люди помнят о своих паспортах. Их использование как удостоверения личности внутри страны также запоминается (ср. Инф. 3: «Я имею в виду, что еще есть случаи, когда... чтобы получить определенные вещи в Великобритании, нужно иметь удостоверение личности, а у меня до недавнего времени не было фотографии на водительских правах <...>. Так что мне приходилось брать с собой паспорт для банковских операций, например, и чтобы открывать счета»; ср. воспоминание Инф. 4 об «отделе кадров»). В связи с изменением в законодательстве о миграции в 2014 г. даже граждане Великобритании обязаны предъявить работодателю документ, подтверждающий гражданство; чаще всего требуют именно паспорт (или, если его нет, свидетельство о рождении) [Employers' Right to Work Checklist].

Что до самого документа, то даже старшие информанты не разделяют распространенной среди английских националистов ностальгии по «старому синему паспорту», т.е. по документу в картонной обложке, который был распространен до 1998 г. Правда, Инф. 3 вспомнил, что жалел, когда обложку поменяли с картонной на пластиковую, но быстро убедился, что так лучше: «О чем я поначалу жалел, так это о смене твердого паспорта, моего первого, он к тому же был немного больше размером,

на маленький паспорт в мягкой обложке, но потом я понял, что это преимущество... новый лучше помещался в карман».

В целом, единственное, что занимает какое-то место в памяти информантов, — это фотография.

Ну, первый паспорт, который у меня был, подозреваю, что у тебя тоже, была эта штука, которой больше нет: гостевой паспорт (Visitors Passport). У меня есть копия, если хочешь посмотреть. Наверное, это был «дешевый» способ поехать по континенту, хотя в конечном счете он, конечно, был дороже.

Помню фотографии, сделанные в мерзких кабинках на станции метро Хаммерсмит, например, или позже в Boots... на фото жуткая рожа, прямо Ганнибал Лектер на гулянке в морге (Инф. 5, жен. 1961 г.р., email, 23 февраля 2022 г.)¹.

Эта информантка также вспомнила, что по сравнению с ее собственным детством существенно изменился возраст, в котором дети теперь получают паспорта — намного раньше, чем прежде. Она упомянула, что получение паспорта особенно вероятно в случае развода родителей, и что это может вызвать у одной стороны опасения, не собирается ли второй родитель вывезти ребенка из страны насовсем. Фактически обязательные паспорта для всех детей были введены в 1998 г. именно для того, чтобы затруднить такое «похищение»: для получения паспорта требовалось согласие обоих родителей. При этом возможный отказ дать такое согласие мог быть обжалован через суд. В общем, вся эта область детских паспортов (включая усилия, необходимые для фотографирования младенцев, ср. слова Инф. 2) заслуживает отдельного исследования.

Воспоминания Инф. 5 также показывают, до какой степени недавняя история паспорта (и различного рода удостоверений личности с фотографиями, не говоря уже о заявлениях на получение визы) переплетается с историей автоматических фотокиосков². Хотя им сейчас около ста лет (первые коммерческие фотокиоски, как услужливо подсказывает интернет, появились в Нью-Йорке в 1925 г.), прошло еще 40 лет, пока не появились автоматические кабинки: клиент садился, задергивал занавеску, глядел в объектив и опускал монеты, что включало вспышку, и через несколько минут фотографии выскакивали через прорезь на передней панели автомата. Стоимость фотографий была

¹ Хаммерсмит — район на западе Лондона. “Boots” — сеть магазинов аптечных товаров и косметики. Hannibal Lecter — вымышленный серийный убийца, персонаж романов Томаса Харриса и популярных фильмов по ним. [Прим. ред.].

² См. Инф. 3: «Я думаю, что это, наверное... ну машина. Ага. <...>. Я думаю, что они все еще... они существовали в те времена».

довольно высока по современным меркам, а контроль качества изображения отсутствовал, поэтому обычно людям приходилось мириться с тем, как устрашающе они выглядели. Другой вариант — посещение фотографа — уже был редкостью к 1980-м гг., хотя я помню, как выбрала этот вариант в 1988 г. из-за довольно мрачной мысли, что мне придется десять лет любоваться на одну и ту же ужасную фотографию. Но выглядеть как монстр-психопат на удостоверении личности было, можно сказать, нормально, и даже служило чем-то вроде социального клея¹.

Документ, который использовали от случая к случаю и для ограниченного числа целей, сильно отличается по своей роли от советского паспорта, использовавшегося ежедневно. Граждане Великобритании разделяют некоторое беспокойство россиян по поводу государственной регистрации личных данных, но не склонны распространять это беспокойство на загранпаспорт. Гораздо чаще в этом смысле говорят о других видах государственного контроля, таких как медицинские данные или переписи населения. Когда я попыталась поискать в интернете фразу «отказ от паспорта» — в смысле отказа граждан от его получения, я нашла только ссылки на правительственные сайты с информацией о том, почему ваше заявление на получение паспорта может быть отклонено. На запрос «люди, которые не хотят паспорта» поисковик выдал только ссылки на «ковидные» паспорта.

Мне не удалось получить какие-либо ответы на мой мини-опрос от людей, чей первый британский паспорт был получен в результате принятия британского гражданства, т.е. тех, для кого этот документ — не просто удобство, а предмет мечтаний. Как показал Альберт Байбурин, то же самое было и с советским внутренним паспортом, учитывая его недоступность до 1974 г. для значительной части населения. Можно сказать, что люди, получившие советские внутренние паспорта в конце 1970-х гг., в некотором смысле «иммигрировали» в свою собственную страну. Однако ситуация с британским паспортом менее ясна из-за сложной иерархии того, кто именно имеет право тут поселиться. Существуют «наследственные паспорта» для тех, кто родился на некоторых территориях бывшей империи, но право подняться в иерархии, как правило, связано с политической конъюнктурой. Поразительный случай — заявление о готовности предоставить права на ускоренное переселение и гражданство примерно трем миллионам жителей Гонконга, которые в настоящее время имеют возможность получить так назы-

¹ Я помню, как моя мать подшучивала над особо страшенькой автоматической фотографией на ее карточке-пропуске в Британскую библиотеку (сделанной настольной камерой в самой библиотеке), на которой была двусмысленная надпись «Годна до 4 июня 1986 г.».

ваемый Британский национальный паспорт для иностранцев (British National Overseas passport, BNO)¹.

Но это уведет нас в области, которые вряд ли можно исследовать с помощью мини-опроса, и уж точно не в легкомысленном тоне. Материал, лежащий в основе этой заметки, — это мимолетные воспоминания, позволяющие говорить скорее об опыте и настроении, чем о фактологии. «Литературные воспоминания», но в миниатюрной форме, действительно, лучший способ описать его, и особенно в случае трех последующих воспоминаний.

Приложение

Воспоминание 1 (муж. 1938 г.р.): Мой первый паспорт

Мой первый паспорт был также первым паспортом в моей семье (см. ил. 1 на цветной вклейке). У моего отца его никогда не было, а моей матери было 72 года, когда он ей понадобился, чтобы навестить сестер, которые задолго до того переехали в Австралию. Я получил паспорт, потому что у одного из двух моих ближайших школьных друзей отец был немцем, который остался в Германии накануне Второй мировой войны, а его жена-англичанка, мать моего друга, вернулась с детьми в Великобританию. В 1951 г. мой друг пригласил меня провести лето с ним во Франкфурте-на-Майне, в гостях у его отца. Мы пересекли Ла-Манш от Харича до Хук-оф-Холланд. Тогда я еще не знал, что эта поездка станет для меня обычной в последующие годы, сначала на военном корабле, когда я служил в ВВС и был расквартирован в Берлине, а позже, когда я ехал в Москву, в одном и том же русском вагоне от самого *Гука Голландского* [т.е. Хук-оф-Холланд, информант шутит. — К.К.]. В моем паспорте 1951 г. есть надписи на французском и английском, как я теперь заметил. Я не помню ни процедуры его получения, ни того, сколько паспортов у меня было с тех пор, но паспорт у меня был всегда, и я с радостью могу сказать, что никогда его не терял.

Воспоминание 2 (жен. 1943 г.р.):

Два моих первых британских паспорта и один эпизод

Мой первый паспорт был выдан в 1959 г., когда мне было пятнадцать лет, со сроком действия до 1969 г., на мою девичью фамилию «Мисс К. Ваддингтон» (ил. 2). И там есть моя черно-белая фотография, на которой только я способна узнать себя,

¹ Идея заключалась в том, чтобы дать возможность выезда держателям BNO, которые подверглись политическому давлению со стороны китайских властей после гражданских беспорядков 2019–2020 гг., хотя пока что число таких случаев невелико.

застенчивого улыбающегося подростка. Этот потрепанный документ содержит много информации, которую сейчас не включили бы ни в какой паспорт. За этот промежуток времени я съездила на поезде в Польшу к друзьям, а на следующий год на корабле в Россию в качестве студентки по обмену по программе Британского совета. Печати требовались во всех странах, через которые я проезжала, как при выезде, так и при возвращении (Бельгия, Германия, Финляндия и т.д.), а в некоторых случаях, например в Восточной Германии и Польше, требовались также тщательно выписанные транзитные визы. Каким-то образом у меня накопилось одиннадцать страниц польских, восточногерманских и чешских виз, каждая из которых представляет собой большой штамп, заполненный от руки. Несомненно, этот трудоемкий метод свидетельствует о том, что в те времена число пассажиров, совершавших поездки через «железный занавес», было невелико. Страница в конце паспорта предназначалась для записи сумм британских денег, которые я вывозила за границу, поскольку существовали ограничения на вывоз валюты. По сегодняшним меркам, какие мизерные суммы там указаны: 25 фунтов в 1959 г., 20 фунтов в 1962 г. (это для поездки в Польшу) и всего 66 фунтов в 1966 г., когда я поехала в Советский Союз на целый год. Это напоминает о том, что в те годы студенты жили на гранты и не подозревали об истинной стоимости своего образования и содержания. Британский совет оплачивал замечательный, почти праздничный круиз по Балтике через Данию и Финляндию, позволявший добраться до Ленинграда и Москвы, а затем Московский университет выплачивал всем западным иностранным студентам (нас было очень мало) щедрую регулярную стипендию в рублях. В моем первом паспорте также был штамп, который, я думаю, сейчас не ставят в паспорт: регистрация моего брака в Москве во Дворце бракосочетаний с моим первым мужем, Николасом Хамфри. Я была так счастлива получить этот штамп. Тетка-чиновница во Дворце не была уверена, можно ли ставить его в загранпаспорт, но я ее упростила.

Мой второй паспорт был выдан в 1968 г. на имя «миссис К. Хамфри». Фотография, на которой изображена скромная молодая леди, для меня (не говоря уже о ком-либо другом) не более узнаваема, чем предыдущая. На этот раз к последней странице паспорта пришлось прикрепить много дополнительных страниц, чтобы вместить суммы денег, которые я вывозила за границу. К некоторому моему удивлению, я, похоже, этим не злоупотребляла: для одной поездки зарегистрировано 4 фунта стерлингов, а для поездки в Монголию в 1970 г. за свой счет я взяла всего 300 фунтов. В 1972 г. я снова была в Монголии, на этот раз в качестве долгосрочного «оплаченного» аспиранта,

и тогда я взяла с собой всего 35 фунтов. Моя самая ценная виза в этом паспорте — китайская, полученная летом 1972 г. Я долго восхищалась ею, прежде всего за красоту, поскольку она была заполнена не просто от руки, а каллиграфическими мазками кисти. И я всегда помню историю ее получения.

В 1972 г. я, насколько мне известно, была единственной западной аспиранткой в Улан-Баторе и вообще единственным человеком с Запада, который долго там жил, хотя там было много вьетнамцев, венгров, русских и т.д. Британское посольство также было чуть ли не единственным: французские дипломаты лишь изредка приезжали из Пекина, а у США еще не было посольства в Монголии. Однажды посольство пригласило меня на одно из немногих интересных событий, которые нарушали монотонность жизни: прибытие «вализы» (дипломатического пакета) из Пекина. Эта вализа — была ли она на самом деле настоящей вализой? Я ее не видела, но ходили слухи, что в ней было много интересного, включая инструкции, письма и посылки. Вместе с дипломатом, привезшим вализу, была молодая женщина, работавшая в Китае в канадском посольстве, которая воспользовалась возможностью на пару дней заглянуть в романтическую страну Монголию. Она приветливо сказала: «Приезжайте ко мне в Пекин». Я была поражена и обрадована, потому что не думала, что такое путешествие возможно. Я сказала, что получу китайскую визу и приеду к ней, как только смогу.

Это оказалось сложнее, чем я себе представляла. В 1972 г. «культурная революция» в Китае еще не совсем утихла, и отношения с Монголией были враждебными. Я отправилась в посольство Китая в Улан-Баторе — большое мрачное здание, расположенное в широком внутреннем дворе, окруженном высоким металлическим забором. Ворота между двумя постами охраны были закрыты. Монгольский вооруженный полицейский твердо стоял у входа на пост охраны, единственный, через который вроде бы можно было пройти. Я несколько раз показывала ему свое приглашение, он листал потрепанный паспорт. Ни за что. Вы не можете войти. Я отступила, не теряя надежды. Тем временем во внутреннем дворе появились несколько китайских дипломатов, они улыбались и призывно махали руками. Потом пожилой прохожий-монгол шепнул мне: «Я отвлеку его, а вы проходите». Я не знаю точно, что сделал этот добрый человек, но охранник отошел в сторону, а я бросилась к двери поста охраны, прошла насквозь и оказалась с другой стороны. Китайские дипломаты были очень приветливы. Они усадили меня пить чай со сладостями и болтали об Англии и Китае, пока оформлялась виза. Я до сих пор не знаю, почему они были так добры к незнакомой студентке — возможно, никто не пытался получить китайскую визу в течение нескольких месяцев.

До границы я добиралась на поезде. Он был переполнен, но все монгольские пассажиры выходили на небольших промежуточных станциях по маршруту, и я была единственной, кто пересек границу. Я протянула свою роскошную визу, но китайские пограничники едва взглянули на нее: они заранее знали, что я приеду. Англоговорящий полицейский в маоистской форме ждал у вагона, чтобы присматривать за мной в течение тех нескольких часов, пока поезд устанавливали на новые колеса для перехода с российской колеи на китайскую. Солнце палило всюду. На этот раз прием был не таким радушным: я вполуха слушала длинные неуклюжие высказывания об империалистической агрессии и классовом неравенстве в Британии. Тем временем я жадно оглядывалась на окружавшие меня удивительные виды (по крайней мере по сравнению с маленьким поселком и бесплодной пустыней на монгольской стороне). Культурная революция там или нет, но для прибывающих гостей было устроено шоу: новые здания, широкие улицы, яркие клумбы, зеленые свежесполитые газоны, а в столовой — вкусные овощи и то, чего я никогда до того не видела — подогретые влажные полотенца. Небольшая толпа любопытных собралась поглазеть на меня; они были одеты одинаково, в синюю форму, но я разглядела много монгольских лиц. Когда я заговорила по-монгольски, они удивились, но заулыбались. В ближайшей книжной лавке полки были почти пустые, там лежало несколько брошюр и множество экземпляров одной книги — «Маленькой красной книжицы» Мао. Я не очень понимала тогда, что именно я вижу, но мой уже потрепанный паспорт и симпатичная китайская виза помогли мне пересечь границу.

Воспоминание 3 (жен. 1959 г.р.): Мои первые паспорта

В моем поколении большинство детей до 16 лет, если только по какой-то причине им не приходилось путешествовать в одиночку, рассматривались британским государством как дополнение к своим родителям. На самом деле это могло относиться и к супругам. Однако у моей матери, которая в конце 1940-х гг. два года училась в Париже, а также периодически ездила за границу на каникулы и к друзьям, был свой собственный паспорт, чтобы мы с сестрой могли путешествовать с отцом без нее. Весной 1973 г. мама взяла нас с собой в Германию и Австрию (и еще по крайней мере один раз в такую же поездку и пару раз с отцом). Я помню, как почти каждая семья немецких туристов, останавливаясь, чтобы скоротать время, в начале разговора спрашивала маму: “Wo ist Ihr Mann?” Однажды ее разбудил среди ночи пограничник и задал тот же вопрос, и мама сонно ответила: «Мой муж находится в Южной Африке» (он и правда был там в то время, ездил по стране в качестве музы-

кального эксперта). Я думаю, пограничник ожидал ответа, что он в вагоне-ресторане или просто вышел в туалет!

Моя мама всегда очень неохотно говорила о своем возрасте, поэтому, когда администратор гостиницы, рассматривая ее паспорт, громко спросил ее, написано ли здесь 1921 или 1927 г., мы с сестрой дико заинтересовались. (Это было в привокзальном отеле в маленьком австрийском городке Йенбах, с тирольскими расписными шкафами, спортивными трофеями, крендельками в корзинках на красно-белых клетчатых скатертях и форелью прямо из ручья.) Я помню, что взрослые очень берегли свои паспорта и считали невежливым заглядывать в них; ясно, что для ребенка это делало взрослые паспорта очень соблазнительными.

В 16 лет нужно было иметь собственный паспорт, и в нашем с сестрой случае это был британский гостевой паспорт (British Visitor's Passport, BVP), сделанный как складная карточка; обложка была не черной, как у настоящего¹, а бледно-коричневого цвета. Рубрики были те же, что и в настоящем паспорте, но не было дополнительных страниц для отметок или виз (гостевой паспорт действовал только в ограниченном списке европейских стран, включая главное массовое туристическое направление той эпохи — Испанию). Привлекательность BVP заключалась не столько в стоимости (срок его действия составлял всего год), сколько в отсутствии хлопот: его можно было купить в любом районном почтовом отделении с минимальными формальностями. С точки зрения XXI в. кажется удивительным, что властям понадобилось 35 лет, до 1996 г., чтобы признать такую несложную процедуру рискованной — и даже тогда, я думаю, реформа была проведена в рамках общего пакета правил, сопровождавших создание Шенгенской зоны, а не из-за страха перед самим BVP.

Свой первый 10-летний паспорт я получила только в 1978 г., потому что BVP не годился для той поездки, которую мне предстояло совершить (ил. 3). С января по июль того года я шесть месяцев работала в Вене, присматривая за двумя детьми британского социального психолога, который проводил исследование отношения общества к ядерной энергетике для Международного агентства по атомной энергии. В то время все еще нужно было регистрироваться в полиции спустя месяц проживания в стране, хотя «регистрация» означала лишь, что мой работодатель сдавал паспорт в участок и кто-то заносил данные в книгу учета. Вообще говоря, западноевропейские страны были

¹ Паспорта, распространенные до 1998 г., в патристических текстах называют «синими», но мне они всегда казались черными, даже при ярком освещении непросто увидеть у них синий оттенок.

довольно мягкими в иммиграционном отношении и до начала действия Шенгенской зоны (в которую Великобритания, конечно, все равно не входила).

Кажется, иногда при пересечении границы вас могли спросить о цели вашего визита. Я помню, что один из последних разов такое случилось в 1998 г. или около того, во время моего первого приезда в Норвегию; из-за забастовки авиадиспетчеров меня перенаправили с первоначального рейса Тромсё — Осло — Лондон на причудливый маршрут с пересадками в Стокгольме и Амстердаме. Красная и нервничавшая из-за того, что рейс из Стокгольма вылетал вскоре после моего туда прилета, я, вероятно, выглядела как типичный пассажир, которому есть что скрывать. Но обычно, даже до того, как Шенген изменил поездки через большую часть ЕС, не было ничего похожего на допрос, с которым вы сталкивались (и до сих пор сталкиваетесь) на границе США.

Поэтому для моей поездки в Вену в 1978 г. не имело особого значения, что у меня теперь был полноценный паспорт — хотя, учитывая, что это было первое путешествие за границу, которое я совершила в одиночку, тут были и пугающие моменты. В жизни я выглядела намного моложе своих 18 лет, а на фотографии в паспорте мне и вовсе было 16: это была официальная школьная фотография, и мне не очень нравились ни она, ни темно-желтый свитерок, которым мне пришлось любоваться следующие десять лет, но эта фотография попала мне под руку и оказалась в паспорте.

Требование иметь недавнюю фотографию появилось гораздо позже, а в конце 1970-х гг. еще не было инструкций по поводу позы и пр., которые есть сейчас [Get a Passport Photo].

In your photo you must:

- be facing forwards and looking straight at the camera
- have a plain expression and your mouth closed
- have your eyes open and visible
- not have hair in front of your eyes
- not have a head covering (unless it's for religious or medical reasons)
- not have anything covering your face
- not have any shadows on your face or behind you

Do not wear glasses in your photo unless you have to do so. If you must wear glasses, they cannot be sunglasses or tinted glasses, and you must make sure your eyes are not covered by the frames or any glare, reflection or shadow.

Инструкции появились, насколько я помню, в 2000-х гг. Конечно, на фотографиях в моем втором и третьем паспортах, выданных в 1988 и 1998 гг. соответственно, я улыбаюсь и показываю зубы так, как сейчас делать нельзя, а на первой фотографии моя голова слегка наклонена на сторону (определенно сейчас ее посчитали бы неприемлемой). Тем не менее, даже когда я подавала заявление на получение своего первого паспорта, большинство не слишком обращало внимание на одежду и позу. При этом в межвоенные десятилетия (фотография стала обязательной в 1915 г.) были знаменитые случаи намеренно эксцентричных фотографий на паспорт. Например, в 1920-х гг. леди Диана Купер, жена политика-консерватора, иногда снимавшаяся в кино, использовала снимок известного светского фотографа Сесила Битона, на котором она изображена в костюме Клеопатры Теполо на балу в Венеции, в головном уборе, напоминающем русский придворный костюм до 1917 г. Вполне возможно, что изменения произошли благодаря удостоверениям личности, которые стали обязательными во время Второй мировой войны.

Заполнить разделы заявления на паспорт было несложно. Я помню, что меня слегка разочаровали рубрики, упрощенные по сравнению с теми, которые я разглядывала в паспортах взрослых за несколько лет до того. Больше не было вопросов о цвете глаз или волос, хотя рост нужно было указывать, и все еще была строка для «особых примет». (Я помню, как мне сказали, что этот пункт касается, например, шрамов на лице. Я подумала: жалко, что у меня нет ничего «особого».)

Что касается подписи, то из книги Альберта Байбурина о советском паспорте я знаю, что закрепление соответствующего стиля графической самоидентификации было важным обрядом перехода для шестнадцатилетних в СССР, но меня больше, чем подпись в паспорте, беспокоила правильность подписи на кредитной карте, которую я приобрела в то же время. В Великобритании никто никогда не использует паспорт для проверки подписи, в то время как отказ в банковской операции, если не можешь воспроизвести свою подпись точно как на карте, — реальный риск¹.

Последним требованием в анкете было предоставить подпись человека, который мог бы поручиться за вашу личность. Я думаю, что мы попросили об этом семейного врача, что казалось очевидным выбором, хотя к моему удивлению сегодня врачи формально исключены из списка допустимых свидетелей. Возможно, причина этого — уменьшение контактов с врачами в эпоху, когда почти ушли визиты на дом и пациенты просто

¹ Обратите внимание, что Инф. 4 помнит, что ее подпись нужно было засвидетельствовать, но ничего не помнит о самой подписи. [Прим. ред.].

приходят к тому врачу, чья очередь дежурить, а не к тому, которого считают «своим».

В целом, я бы сказала, что получение паспорта было малозначимым событием. В школе не рассказывали о паспорте или о подготовке к его получению, не было и коллективного ритуала (его и сейчас нет), и я не помню, чтобы когда-нибудь обсуждала это с друзьями¹. В любом случае, мы все получили паспорта в разное время: одна подруга имела двойное индийско-британское гражданство, а другая была наполовину американкой и летом регулярно навещала родственников в Пенсильвании, используя второй паспорт, на который ей давало право происхождение по материнской линии. (Как мне сказал другой человек смешанного американо-британского происхождения в 1994 г., когда мы ездили на конференцию AAASS, в Великобритании лица с двойным гражданством обязаны на протяжении одной поездки использовать только один из двух своих паспортов, но никто никогда не придерживается этого правила, а просто показывает тот, который позволит воспользоваться более короткой очередью.)

Тем не менее получение первого полноценного паспорта мне запомнилось лучше, чем получение последующих, поскольку я делала это лично. Обычно вы просто отправляли анкету и получали паспорт по почте. Но между моментом получения работы (собеседование было в конце ноября, после окончания вступительных экзаменов в Оксфорд) и отъездом в Вену в начале января было не так много времени, поэтому я отнесла заявление в офис на улице Петти-Франс — менее живописный, чем это старое название лондонской улицы, на которой он располагался: это был бизнес-центр 1960-х гг.² Тем не менее в моей памяти остались скамейки и кабинки из темного дерева и томительное ожидание на первых, пока не подойдет мой номер войти во вторую. Ощущение было скорее диккенсовское, но обработка документов была вполне эффективной, по крайней мере до 1998 г., когда внедрение новых электронных систем вызвало огромные задержки, и некоторые люди в итоге получили «продление в виде исключения» — подписанный штамп в старый паспорт, дававший им право путешествовать [The United Kingdom Passport Agency 1999].

Следы, оставленные заграничными поездками в моем первом паспорте, хаотичны (ил. 4). В нем нет ничего, что могло бы подтвердить шесть месяцев, проведенные в Вене, или трех-

¹ Это вообще типично для британской жизни. С флагами тоже не особо церемонятся, самый известный ритуал, с ними связанный, — когда флаги приспускают в связи с чьей-то смертью (хотя иногда их, конечно, вывешивают, чтобы отметить какое-то праздничное событие, например рождение ребенка в королевской семье).

² В 2012 г. офис переехал на Эклстон-Сквер.

недельный визит туда же два года спустя, весной 1980 г. Не осталось следов семейных каникул в Италии и Австрии или трех недель в Тюбингене, проведенных у немецкой пары средних лет, с которой мы познакомились на австрийской ферме (в доме герра и фрау Икс было две книги, одна из них — руководство по домоводству, в котором было все: от того, как правильно складывать салфетки, до искусственного осеменения кобыл). Но герр Икс был талантливым фотографом-любителем и любезно одолжил мне старую Leica, на которую я сделала свои первые в жизни серьезные фотографии (это отступление от темы паспорта, но так работает память).

Что есть в паспорте, так это чехословацкая виза — штамп с пометками, поставленный в мой паспорт после пребывания в Праге в течение одной ночи (для туристов, ехавших из Австрии, в то время это была обычная остановка). Из Вены мы отправились на автобусе, который двигался очень медленно, видимо, чтобы города казались гораздо дальше друг от друга, чем они есть на самом деле. Это знакомство с социалистическим миром не было радостным: отель был таким же унылым, как и погода, а ресторан, где мы ели пресные хлебные кнедлики и рагу в горшочке, был похож на музей конца самого неприятного периода 1930-х гг. Официанты не говорили ни по-английски, ни даже по-немецки, так что нам повезло, что слово «пиво» по-чешски звучит так же, как по-русски. Что до меня, то одно чешское слово растопило лед, и суровый пожилой официант провел остаток обеда, обращаясь со мной так же любезно, как и с детьми 4-х и 7-ми лет, за которыми я присматривала и которые с самого начала вызвали улыбку.

В моем первом паспорте забыты не только все эти поездки, но и, почти полностью, мой первый визит в СССР в июле 1979 г. на месячные языковые курсы в Ленинграде, организованные компанией “Progressive Tours” («Продвинутые экскурсии»). (Ее материнская компания “Regent Holidays” существует до сих пор, это одна из немногих британских фирм, которая организует поездки в Северную Корею, хотя большинство их туров сейчас гораздо дружелюбнее к клиентам: они возят в необычные места с местными гидами.) До 2000-х гг. российские визы, даже на месяц или дольше, выдавались на непрочном бумажном вкладыше, который забирали при выезде из страны; штампы о въезде и выезде ставились прямо на него. Таким образом, единственным свидетельством посещения Ленинграда в моем паспорте является раздел о снятии валюты в конце паспорта. Из него я узнала, что сняла 50 фунтов стерлингов 6 июля 1979 г., что, вероятно, было за день или около того до сбора группы в аэропорту Хитроу.

Что касается практики обращения с паспортами в самом СССР, то паспорт не требовалось предъявлять так часто, как в сегод-

нышной России. И это было к лучшему, учитывая, что обычно «во избежание» документ хранился до вашего отъезда в гостинице или общежитии, где вы останавливались. Возможно, этой практике в отношении британских студентов способствовал случай, о котором я слышала, когда ученик известной частной школы в Манчестере во время школьной поездки в Москву продал свой паспорт случайному фарцовщику. Но это было очень неудобно, если нужно было записаться в библиотеку, поскольку там паспорт был необходим — и предъявлялся, в случае с Ленинской библиотекой, вежливой и довольно элегантной женщине в кабинете между двумя дверями на входе. Сейчас там книжный магазин и иностранцев оформляют вместе со всеми, но тогда, наверное, предполагалось, что они могут не говорить по-русски. В любом случае все, связанное с иностранцами, было, конечно, предметом пристального интереса определенной организации, имевшей косвенное отношение к академической жизни. Иностранцев нельзя было доверять обычным сотрудникам.

Если от моей первой поездки в СССР в паспорте мало что осталось, то год моей учебы в Воронежском государственном университете все же оставил там следы. Для начала — многочисленные штампы предшествовавшего ему трехдневного путешествия на поезде. Сначала поезд с вокзала Ливерпуль-стрит, идущий к холмам Восточной Англии, потом паром в Хук-оф-Холланд. (Борясь с одним из двух моих огромных чемоданов, палубный матрос сказал: «Черт возьми, милая, ты, видать, забыла дома кухонную раковину!») По длинному пандусу спускаешься к вагону на Москву под руководством Володи, невысокого хитрого смуглого мужчины лет 50, который обращался к молодым девушкам, по крайней мере ко мне, «ласточка». (Это был тот редкий случай, когда выглядеть намного моложе своих лет оказалось выгодно.)

Три раза, напоминает мне мой паспорт, мы пересекали границу ГДР — на Грибницзее, Фридрихштрассе и во Франкфурте-на-Одере: страна была зажата между Западной Германией и Западным Берлином. Как обычно, в международных поездках вас будили среди ночи, и, как обычно, туалеты на время прохождения пограничных формальностей запирались. Но восточно-германские пограничники были особенно пугающими. Они пристально изучали черты вашего лица, велели вам сидеть прямо, чтобы лицо не искривлялось, рассматривали вашу фотографию в паспорте (и это после того, как они проверили каждый уголок купе на предмет возможных нелегальных эмигрантов). (Пересечение чехословацкой границы, когда я ездила в Прагу на месяц в 1983 г., было гораздо проще: при въезде в страну паспорт бегло просмотрели, а на выезде единственным челове-

ком, который заинтересовал охранников, был болгарин, путешествовавший по польскому паспорту. Это было мне на руку, так как я незаконно вывозила дорожный знак, который нашла на пустыре рядом со студенческим общежитием, где мы остановились в Kolej Kajetánka. Но эта конкретная поездка также послужила наглядным уроком того, насколько легче было западным людям пересекать границы в социалистическом мире по сравнению с гражданами стран, которые считались более дружественными.)

В самом Воронеже паспорт не играл особой роли. У нас был еще и *студенческий билет*, который нужно было предъявлять грозным бабушкам на вахте в общежитии № 2. Чаще всего мы проходили через их *cordon sanitaire* без проблем, даже если забывали студбилет. Труднее было проводить русских гостей, так как не все хотели оставлять свои данные на вахте. У гостей — студентов из других общежитий тоже могли возникать проблемы: «Это хуже, чем наш закон о домпасе», — недоумевал чернокожий южноафриканец¹. Правда, паспорт нужен был для перелетов, а также для проживания в гостиницах. Я помню случай, когда одному иностранному студенту нужно было срочно попасть в Москву к отцу, который прилетел туда всего на один день. Самолетом лететь нам не разрешалось (маршрут пролегал над «стратегическим объектом» — огромным Воронежским авиационным заводом), но в отчаянии он все равно купил билет. У выхода на посадку все пассажиры просто шлепали свои паспорта на стойку задней обложкой вверх, и П. сделал то же самое. В отличие от британского паспорта, его паспорт оказался того же темно-красного цвета, что и советский внутренний паспорт, поэтому он без проблем, хотя и с ущербом для нервов, проскочил на нелегальный рейс.

Все это я восстанавливаю по собственной памяти: единственное сохранившееся свидетельство вторжения в мой паспорт советских властей в самом документе — это отметка ОВИРа (прописки) о 10 месяцах проживания, до 18 июля 1981 г.

Мой второй паспорт, выданный 12 апреля 1988 г., включает посещения России в 1990 и 1992 гг., которые я могу восстановить только по финским пограничным штампам, и посещения Финляндии в 1996 и 1997 гг., которые я могу восстановить только по российским пограничным штампам. Есть шереметьевские штампы прибытия и убытия в течение трех недель в 1994 г., проведенных в основном в Москве, но нет ничего, что

¹ Согласно Закону о пропусках 1952 г., краеугольному камню апартеида, черные южноафриканцы (банту) обязаны были постоянно иметь при себе удостоверение личности (оно называлось *dompas*, букв. 'домашний паспорт') [Key Legislation in the Formation of Apartheid 2009].

зафиксировало бы недельный визит с моим будущим мужем в декабре 1988 г. или поездку по вновь открытому обмену с Институтом всеобщей истории Академии наук годом позже.

В тот период пересечение границы не вызывало никаких волнений. Конечно, у меня никогда не было того опыта, о котором пишет Владислав Зубок в своей книге “Collapse: The Fall of the Soviet Union”, когда будки паспортного контроля оказались закрыты и никого на контроле не было (он прилетел в бывший СССР поздно вечером 31 декабря 1991 г.). Однако было очевидно, что внимание к деталям снизилось. По прибытии почти никто не удосужился зарегистрироваться в ОВИРе, а если и регистрировался, то процесс оказывался настолько длительным и запутанным, что лучше было этого не делать. («У меня самолет через два часа!» — кричал грузный русский из Нью-Йорка в конце длинной очереди в отделении на Васильевском острове летом 1995 г. — «В таком случае вы точно опоздаете», — огрызнулась чиновница за стойкой. Надо сказать, что очередь встала скорее на ее сторону, чем на его.)

Мои паспортные воспоминания об этом времени — о другом. В 1988 г. мы с Яном отправились в путешествие попутевке «Интуриста» (это был самый простой способ попасть в СССР в тот момент, когда все академические каналы были забиты политологами, пытавшимися понять перестройку). В Москве (ленинградский гид был совершенно другим — длинноволосая девушка в джинсах, которая явно проводила свободное время, тусуясь на рок-концертах) идеологически выверенный маршрут, рассчитанный на то, что у посетителей не останется времени спокойно погулять, был по-прежнему в порядке вещей. Но знакомый из британского посольства предложил зайти к нему выпить, и время случайно совпало с организованным «Интуристом» посещением ВДНХ. Я уже однажды там была, а интерес Яна к павильонам с коровами-чемпионами и новыми моделями тракторов был чуть ниже нуля. При этом наши паспорта хранились в гостинице, а без паспорта вход на территорию посольства был невозможен. Это означало, что нужно договориться с гидом Ириной, приземистой женщиной лет 35 или около того с прической «под горшок» и настороженным выражением лица. Лицо Ирины слегка скривилось, когда она узнала о нашем сознательном уклонении от исполнения обязанностей, но она мало что могла сказать. Имея богатый опыт общения с советскими мелкими чиновниками, я отправила за паспортами Яна (с этими тетками у мужчин всегда была фора). Он вернулся сияющий и сказал, что получил их и все, что ему нужно было сделать, это купить этой милой даме шарфик в гостиничной «Березке». Моя реакция — «так ты потратил твердую валюту на эту старую каргу?» — обескуражила его и показалась

ему невежливой. (Нужно сказать, что первая поездка Яна за границу была на Ближний Восток, и он считал, что небольшие денежные подношения чиновникам — это то, как обычно устроен мир. Какое-то время именно так все в СССР и работало¹.)

Другое, что я помню из этого времени, — это необходимость в 1995 г. отправить копии наших паспортов приятелю в его институт, чтобы оформить приглашения для визы. Я послушно отправилась в Нью-Колледж, где стоял факс, и, попотев минут минут 15, сумела сделать копии всех нужных страниц двух паспортов, которые должным образом переслали в Санкт-Петербург в электронном виде. Чего я не видела, так это как секретарь отдела в дальнем конце комнаты в ужасе вскочила со стула, когда метры бумаги для факса, дефицитного в то время товара, размотались по полу. Позднее друг, описывая эту живописную сцену, сказал укоризненно: «Тебе ведь нужно было скопировать только первые страницы!» Каждый раз, когда я вспоминаю этот прокол, я краснею от неловкости.

Совсем недавно, или по крайней мере до эпохи ковида, был только один способ почувствовать, чем было путешествие во времена моего первого паспорта — во всяком случае в Европе. Нужно было пересечь неясно где проходившую сухопутную границу на поезде, на котором ездили почти исключительно пассажиры из одной из тех двух стран, которые разделяла граница. Путешествуя между Петербургом и Ригой в феврале 2019 г., я была единственной, кто имел спальное место, а всего в вагоне нас было трое, и это было настолько необычно, что латышский проводник забыл принести мне ужин. Поэтому я прошла по всему поезду (который был полностью белорусским, кроме двух вагонов, идущих в Латвию) через купейный и общий вагон, где люди разматывали свои портянки, собираясь спать. На меня изумленно смотрели, когда я шла в буфет и обратно, осторожно ступая на высоких каблуках, чтобы не споткнуться о пару волосатых ног на полу. Но еще более удивленно на меня смотрели пограничники, деревенские парни откуда-то из Псков-

¹ Если мне позволено еще одно несущественное воспоминание, то в 2013 г. (т.е. через 25 лет после того визита) я читала лекции в круизе по Волге, и у меня гостила сестра. У нас была пара дней в Москве до отъезда, организованного компанией, и я предложил Элисон съездить на экскурсию в Оружейную палату Кремля и Третьяковку, но пропустить ВДНХ. Накануне вечером я вежливо объяснила это гиду, приземистой коротко стриженной женщине лет шестидесяти, лицо которой выглядело странно знакомым. Ее тоже звали Ириной. Я не верила, что это может быть тот же человек — после стольких-то лет? Но после того как я все ей объяснила, она окинула меня не слишком дружелюбным взглядом и спросила: «Мы не можем откуда-нибудь знать друг друга?» Да, это была та самая Ирина, живой свидетель того, что ничто не меняется, когда дело доходит до иностранных туристов. Ирина отомстила нам, уйдя на следующее утро со своей группой раньше, чем обещала, но, к счастью, нас спасла другой гид, которая любезно присоединила нас к своей группе. Она была совсем другого поколения и темперамента, чем Ирина.

ской области. Они позвали капитана, чтобы устроить мне дополнительную проверку, его волосы были тщательно зачесаны под козырек фуражки. Латвийский проводник, в свою очередь, настолько не знал правил, что сказал, что я должна заполнить миграционную карту — что на самом деле было не обязательно, так как Великобритания в то время была частью ЕС. (Когда я возразила, проводник заполнил карту сам, но в действительности она не понадобилась, а пограничник, увидев мой паспорт, расплылся в улыбке и сказал по-английски с акцентом: «Добро пожаловать в Латвию!»)

Но самый запоминающийся эпизод пересечения границы произошел к северу от Чернигова, когда я въезжала в Белоруссию из Украины на случайном поезде, который должен был доставить меня из Киева в Санкт-Петербург. Эта граница сейчас воспринимается трагично, ведь Чернигов особенно сильно пострадал от обстрелов в 2022 г. Но я пересекала ее при фарсовых обстоятельствах. Я понятия не имела, что у меня должна быть транзитная виза (оказалось, что иммиграционный союз распространяется только на владельцев российских паспортов). На это мне с радостью указал грозный украинский пограничник, напоминая могучего викинга. Как он и предсказывал («думаю, Вас снимут»), меня ссадили с поезда на белорусской стороне границы, хотя должна сказать, что (к удивлению украинского пограничника на обратном пути, что немного испортило его триумф) они не оштрафовали меня и формально не отказали во въезде. Но как бы то ни было, я не могла ехать дальше в Петербург и поэтому сидела на пропускном пункте, пока розовощекая, крепкая белорусская женщина-пограничник методично листала мой паспорт и из искреннего любопытства спрашивала меня, что означают картинки в нем. Рассказ об этих картинках занял довольно много времени, так как из-за мер по борьбе с подделкой паспортов рисунки были изощренными и запутанными. Это Вальтер Скотт, объясняла я, известный шотландский писатель, это фазан, на которого британцы любят охотиться, а это яхта — мы ведь морская нация. К тому времени, когда мы пролистали все 32 страницы, мне пора было возвращаться на поезд в Киев, и я благодарилась свою счастливую звезду за то, что у меня не 64-страничная версия паспорта — но благодарилась и небеса за любопытных пограничников. Хорошо делать людям одолжение, и я думаю, что мой приезд был самым интересным, что произошло там за многие недели.

Список информантов

Инф. 1: Профессор Steve Smith, All Souls College, Oxford

Инф. 2: Профессор Stephen Lovell, King's College, London

Инф. 3: Профессор Ian Thompson, King's College, London

Инф. 4: Millie Davan Wetton, University College, London

Инф. 5: Alison Moncrieff Kelly, виолончелистка

Авторы воспоминаний

Воспоминание 1: Профессор Gerry Smith, New College, Oxford

Воспоминание 2: Профессор Caroline Humphrey, King's College, Cambridge

Воспоминание 3: Профессор Catriona Kelly, Trinity College, Cambridge

Все они шлют Альберту Байбуруну свои поздравления по случаю пересечения им столь важной паспортной даты!

Источники

Employers' Right to Work Checklist // GOV.UK: The Website for the UK Government. <<https://www.gov.uk/government/publications/right-to-work-checklist/employers-right-to-work-checklist-accessible-version>>.

Get a Passport Photo // GOV.UK. <<https://www.gov.uk/photos-for-passports>>.

Identity Cards // GOV.UK. <<https://www.gov.uk/identitycards>>.

Key Legislation in the Formation of Apartheid // Helen Suzman. 2009. <<https://www.cortland.edu/cgis/suzman/apartheid.html>>.

Osborne S. MPs Vote for Controversial Legislation to Introduce Voter ID // Sky News. 2022, Jan. 18. <<https://news.sky.com/story/mps-vote-for-controversial-legislation-to-introduce-voter-id-12518783>>.

Passport Covers // Smythson. <<https://www.smythson.com/uk/leather-goods/accessories/passport-covers>>.

Passports // GOV.UK. <https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/258241/passports.pdf>.

The United Kingdom Passport Agency: The Passport Delays of Summer 1999 // National Audit Office. 1999, Oct. 27. <<https://www.nao.org.uk/report/united-kingdom-passport-agency-the-passport-delays-of-summer-1999>>.

Библиография

Байбурина А.К. Советский паспорт: история, структура, практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.

Baiburin A. The Soviet Passport: The History, Nature and Uses of the Internal Passport in the USSR. Cambridge: Polity Press, 2021. 455 p.

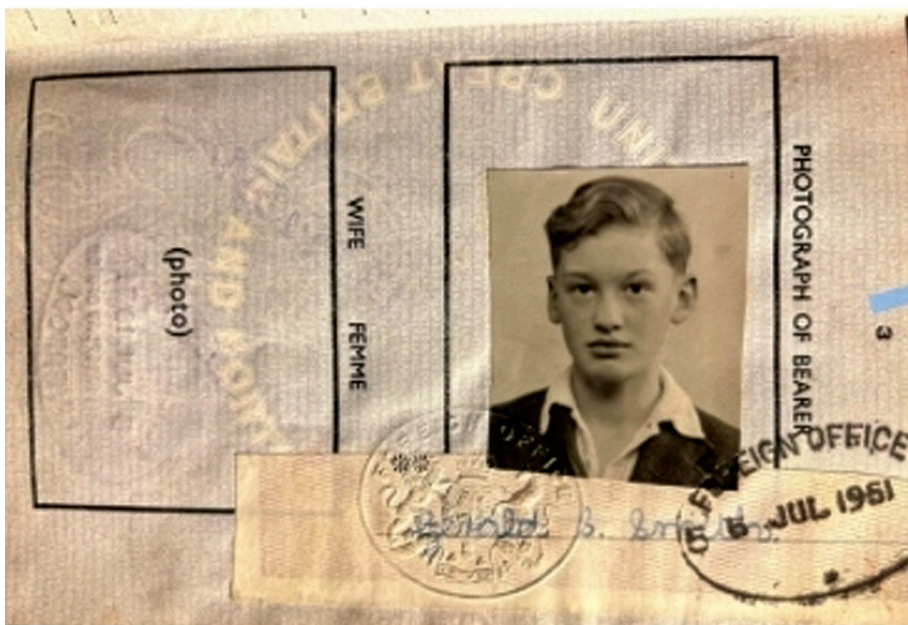
Caplan J., Torpey J. Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. VIII+415 p.

Higgs E. Identifying the English: A History of Personal Identification. L.: Continuum, 2011. 286 p.

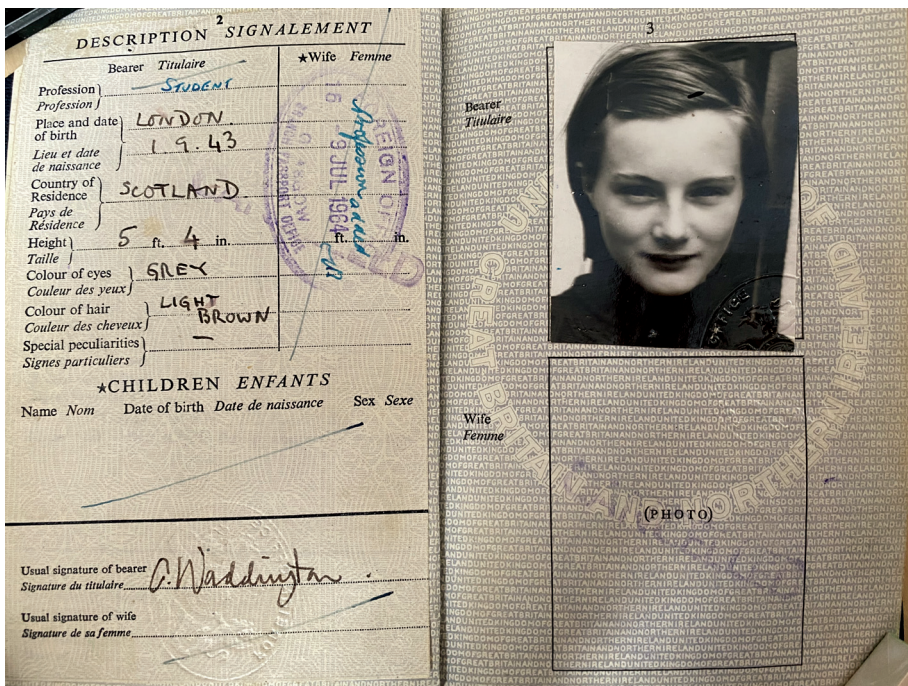
Rapport N. (ed.). British Subjects: An Anthropology of Britain. L.: Routledge, 2002. 288 p.

Авторизованный перевод с английского

Иллюстрации к статье Катрины Келли

Ил. 1. Страница с фотографией из британского паспорта, выданного в 1951 г. (Воспоминание 1)

Ил. 2. Британский паспорт, выданный в 1959 г. (Воспоминание 2)

Ил. 3. Британский паспорт, выданный в 1978 г. (Воспоминание 3)

Ил. 4. Польская виза в британском паспорте, 1980 г. (Воспоминание 3)

Ил. 5. Британский паспорт, выданный в 1981 г. (Инф. 3)

Ил. 6. Визы в британском паспорте, 1982 г. (Инф. 3)